

Михаил Лавровский в
партии Филиппа в балете
«Пламя Парижа». Москва,
Большой театр (1964)



Леонид Лавровский:

лучший способ не анализировать эпохи — выпить с друзьями

Фото: ИТАР-ТАСС

Газета — 203 — 24 окт. — с. 16 — 17

Как испытывать гурманское удовольствие не только от сациви и копченой колбасы, но и от пустынного испанского побережья и балетных премьер, рассказал корреспонденту **gzt** Лидии Шаминой выдающийся танцовщик и балетмейстер, составивший славу Большого театра, Михаил Лавровский.

Фотограф: Никита Рыбаков / **gzt**



Михаил Лавровский:
«Я люблю все острое,
но стараюсь не есть этого.
Потом хочется пить,
а пить много нельзя,
потому что это несовместимо
с режимом балетного артиста»

В

Ваша мама, замечательная грузинская балерина Елена Чикваидзе, готовила дома какие-нибудь блюда национальной кухни? Иногда. Знаете, я прожил всю жизнь в России, и я сам русский, и готовила дома в основном русская еда. Потом все-таки надо помнить, что мы — и мой папа, Леонид Михайлович Лавровский, и мама, и я — все балетные артисты и поесть — не наша стихия. Но на Новый год мама замечательно готовила сациви, и это было, можно сказать, праздником. Хотя я люблю все острое, но стараюсь не есть этого. Потом хочется пить, а пить много нельзя, потому что это несовместимо с режимом балетного артиста. Поэтому я предпочитаю все пресное. И, честно говоря, вообще не гурман, я люблю есть все. Если говорить о любимых лакомствах, то это пряники, яблоки и копченая колбаса. Помните, раньше была такая вкусная — «Московская»?

Сейчас она опять появилась. Да. Но цена космическая абсолютно.

Когда вы оказывались в Грузии, как вам удавалось из-бегать традиционных застолий? Или я просто не ходил, или старался честно объяснить, что я не ем так много, что у меня спектакль, это просто физически невозможно и бессмысленно затевать торжество. Чтобы люди не обижались, я предлагал: «Давайте устроим стол тогда, когда я смогу, —

178

24.10.03

Лавровский Михаил

Михаил Лавровский:
«В театре все для меня родное,
здесь я абсолютно в своей
тарелке». На сцене — солисты
Большого театра Людмила
Семеняка и Михаил Лавровский
(1973)



Фото: ИТАР-ТАСС

Газета 2003 - 24 авг. - С. 16-17

Мяса я вообще не ем.
Я пью бренди.
Предпочитаю
«Veteran Osborne» —
он крепкий и мягкий

приду с удовольствием. А так — я могу прийти, просто посидеть, но есть не буду». Кто понимал — реагировал нормально, кто не понимал — обижался, но это уже его личное дело.

Действительно, удовольствие ведь не только в еде. Что для вас истинное наслаждение? В разных вещах. Я не знаю других людей, могу отвечать только за себя. Так вот, в моем случае это когда я нахожу гармонию с самим собой. Конечно, это состояние в абсолютном виде было только до пятнадцати лет. С тех пор мое постоянное состояние — внутренняя дисгармония. Какие бы блага вы ни получали от судьбы, от окружающих вас людей, даже близких и любимых, если у вас внутри нет контакта с самим собой, достигнуть гармонии очень трудно.

Ведь есть моменты, когда вы теряете близких, когда у вас меняется отношение к жизни, к искусству, к смыслу вашей жизни на Земле, что осмыслить бывает сразу очень трудно. Но, наверное, чаще все-таки все меняется к грустному, и это вызывает, во мне лично, философский пессимизм. С годами это усугубляется, у каждого свой характер, и с годами этот характер проявляется все более прогрессивно. Иногда я, конечно, чувствую себя, как пушкинский «докучный гость среди новых поколений», но спасаюсь творчеством. Это ощущение уходит, когда молодые люди становятся единомышленниками.

Раньше, когда я ездил с театром в поездки и поездки эти были затяжными, и было мало творчества, а в последние годы карьеры это случалось все чаще, я с большим удовольствием думал о том, как я приеду в дом — в Москву ли, в Тбилиси, и встречу со всей своей большой семьей. И просто звонил домой, что тогда было необычной вещью, ибо суточные были невелики, и когда попадал на маму, дядю, тетушку, мне страшно хотелось оказаться рядом с ними.

А когда вы были молоды, тоже домой стремились? Ну, когда мы молоды, мы просто верим в себя, находимся в эйфории творчества, в эйфории успеха, надежд, верим, что все станем Чаплинами в смысле ремесла.

Удовольствие от ремесла — безусловно увлекательная вещь. Конечно. Когда я работал над интересным спектаклем, особенно у Григоровича — я говорю о балетах «Щелкунчик» и «Спартак», — это были счастливые дни, наполненные несравненным ощущением, что все получается. Конечно, деспотизм Григоровича мог действовать не совсем положительно, но за то понимание искусства, которое он и Вирсаладзе дали нам, кроме спасибо мы ничего не можем им говорить. Григорович дал нам репертуар. Вы только представьте наше поколение в старых редакциях классики без «Спартака», без «Ивана Грозного», без «Легенды о любви»? Когда понимаешь товарищей, это так хорошо, просто наслаждение получаешь от работы.

А отдых — вот еще один вид наслаждения. Да. Но я не люблю отдыхать долго. И люблю, чтобы вокруг было мало народу. Например, обожаю отчалить с друзьями на два-три дня. Хотя с возрастом все труднее выходить из этого состояния расслабления. Но я люблю отдыхать с ребятами в Испании, мне очень нравится там городок под Барселоной, называется Вила Нова. Там потрясающе — как у нас в глубинке в России, пока мы, так называемые цивилизованные русские, его еще не испортили. А ведь во Франции, Германии против нас, русских туристов, какая-то злоба появилась, потому что наше хамство вылезло...

И что вы там едите? Там потрясающая пазля. Мне все равно. Меня никогда это не волнует. Мяса я вообще не ем. Я пью бренди. Предпочитаю «Veteran Osborne» — крепкий, мягкий.

Европейские удовольствия для вас — изученный край? Когда я посетил все эти страны, как-то пришел к выводу, что испанцы — самый потрясающий народ. Хотя язык мне не нравится, он ведь считается испорченной латынью, и я больше люблю итальянский. Я воспитан на европейской литературе. Мои симпатии были в основном во Франции, в Италии. Согласитесь, в детстве трудно читать Сервантеса, я освоил его лет в шестнадцать, кажется. Но если мы говорим об удовольствиях, в том числе душевных, то и в Москве можно найти места, где сохранилась подходящая аура. Хотя все труднее, время-то поменялось, поколение другое... А я из другого времени.

Ну, сейчас всем нелегко. Театр помогает вам жить? Конечно, здесь я в своей тарелке, здесь все родное. Хотя, повторяю, настолько поменялось время, что критерии искусства вообще потеряны. Мне могут возразить, что все относительно — но относительно моих понятий все перевернулось.

У вас есть непреходящая ценность — русская балетная школа. Мне все чаще кажется, что мы хотим ее убить. Наша политика такая. Я сам русский, моя настоящая фамилия, по отцу, Иванов, и мы, русские, — прирожденные холуи. Мы будем лизать задницу Западу, а свое гробить на корню. Брать чужое надо, согласен, нельзя сидеть и думать: «Ах, как все у нас хорошо!». Я согласен, надо брать все хорошие влияния и течения, надо изучать языки, но свое лицо терять нельзя.

Я вас о гурманстве пью, а вы все о политике, об искусстве, вернее, о борьбе в искусстве. Вы правы. Лучший способ не анализировать эпохи — это выпить водочки с друзьями.